

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1122-1131
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1122

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

State Transformations of Peter I in the South-East of Russia

Bulat A. Aznabaev ^a, Aleksey I. Kortunov ^{b, *}, Ramil N. Rakhimov ^a, Shamil M. Itkulov ^b

^a Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

^b M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

To date, the historical literature has not raised the question of which political form of the state corresponded to the administrative transformations of Peter I on the southeastern outskirts of Russia. Some authors claim that the ideal of the tsar was embodied in the creation of a “regular state”. Adherents of the “new imperial history” believe that the converter was guided by the concept of a “cameralist state”. In our opinion, in Bashkiria, the government of Peter the Great made the most radical scrapping of the traditional management system. The analysis of administrative transformations shows that Peter the Great's policy towards non-Russian suburbs demonstrated a desire to homogenize the population, erase tax and administrative differences in the situation of numerous groups of non-Russian population. The liquidation of the Order of the Kazan Palace and the provincial reform destroyed the system of indirect connections of the center with the southeastern periphery. Bashkirs have lost the privilege of direct appeal to the supreme power. Followers of the new imperial history claim that the executors of Peter I's plans were inspired by the teachings of cameralism, which declared the need for equality of all subjects before the law. This policy reflected the idea of a new political form – the nation-state, and, consequently, objectively had an anti-imperial character. Due to the absolute impossibility of introducing cameralist methods in foreign provinces, the specific measures of the authorities differed significantly from the basic principles of this doctrine. So, at the beginning of the XVIII century in Ufa County, all fiscal functions were transferred to the Ingermanland Chancellery. This department, designed to invent new objects of taxation, did not report even to the government, which contradicted the strict functional division of powers declared by the principles of cameralist doctrine. Their activities provoked the longest Bashkir uprising of 1704–1711. The resumption of Russian citizenship of the Bashkirs took place only in 1722 after the government officially confirmed the rejection of all innovations and the return to the pre-Petrine, essentially imperial, Bashkir management system.

Keywords: Bashkirs, the internal policy of Peter I, the uprising of 1704–1711, empire, indirect governance, Ufa province.

1. Введение

В исторической и политологической литературе понятие «имперская политика» трактуется самым произвольным образом. Поэтому исследователь лишен возможности оценивать деятельность того или иного правительства с точки зрения её соответствия имперской форме государства. К примеру, тезис о том, что Петр I создавал именно империю, не вызывает сомнений у подавляющего числа историков. Подтверждением тому служат факты смены титула главы государства, централизация административного аппарата, осуществление реформы армии и гражданской службы, а главное – укрепление абсолютизма и территориальная экспансия. Вместе с тем ни одно из перечисленных мероприятий не имеет прямого отношения к сущности имперского государства.

* Corresponding author

E-mail addresses: azbulatt@rambler.ru (B.A. Aznabaev), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov), rakhimovrn@mail.ru (R.N. Rakhimov), forrrest@gmail.com (S.M. Itkulov)

Империя манифестирует себя прежде всего в системе отношений центра и периферии. Однако именно в петровский период наблюдаются кризисные явления в управлении регионами, обладавшими особыми правами и помнящими о своей прежней самостоятельности (Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Малороссия). При этом Башкирия (Уфимская провинция) представляет собой идеальную имперскую провинцию, поскольку в силу исторических обстоятельств ее коренное население получило наиболее привилегированное положение в сравнении с другими народами. В Уфимской провинции российская администрация попыталась произвести наиболее радикальную трансформацию всей системы управления в направлении отмены всех привилегий и уравнивания местного населения в фискальном и законодательном отношении с другими нерусскими народами Среднего Поволжья. Однако, столкнувшись с массовым вооруженным сопротивлением, российские власти были вынуждены отказаться от прежнего курса реформ, восстановив всю прежнюю систему управления регионом. Мы попытаемся решить вопросы: чем обусловлено было стремление правительства Петра I к унификации положения нерусского населения Уфимской провинции и какое отношение имеют эти мероприятия к имперской форме государства.

2. Материалы и методы

2.1. Основу источниковой базы нашего исследования составили неопубликованные документы отдельного тома сенатских материалов, названного «Дела об уфимских башкирцах» из фондов РГАДА (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115). Формальная опись дела свидетельствует о том, что в него вошло всего 6 документов, что при объеме тома в 1134 листа представляется очень произвольным делением. По нашим расчетам, данное дело состоит из 200 отдельных документов, сгруппированных в хронологическом порядке. При этом состав дела включает в себя не только делопроизводственные и законодательные материалы, но и эпистолярные источники (письмо полковника И.Г. Головкина своему отцу канцлеру Г.И. Головкину): перехваченная властями переписка башкирских волостей, жалованные грамоты и даже генеалогические росписи (шежере) и т.д.

Письма Александра Сергеева, написанные им в 1720 г. не привлекали прежде внимания исследователей. Вместе с тем этот комплекс деловой переписки свидетельствует о том, что взгляды главных военных и гражданских администраторов в отношении башкир кардинально различались. Эти письма являются прямым свидетельством того, что большая часть старой допетровской элиты выступила с критикой преобразований в Уфимской провинции (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 57).

2.2. Методологическую основу исследования составляют традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. Для конкретного анализа политики правительства Петра I в отношении национальных окраин мы обратились к методу типизации, известному по работам М. Вебера. Создание «идеального типа» империи потребовалось нам для выявления наиболее значимых компонентов ее эмпирического содержания (Вебер, 1990: 393). Метод типизации дает нам инструментарий для решения вопроса о том, как идеальный тип имперского государства сопрягается с конкретными мероприятиями правительства Петра I в таком инородческом регионе, как Уфимская провинция.

3. Обсуждение

В отечественной литературе до настоящего времени отсутствует единство в определении империи как одной из политических форм государства. Приведем лишь замечание С.И. Каспэ об отсутствии «четкой концептуализированности» понятия «империя» (Каспэ, 2001: 19). В этом отношении весьма показательно диссертационное исследование Э.И. Дамирчиева «Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования», защищенная в МГУ в 2010 г. Автор посчитал необходимым сформулировать две дефиниции империи: идеальной и реальной. В нашем случае уместно обратиться к сформулированной концепции идеальной империи. Под последней Э.И. Дамирчиев понимает обширное государство со сложным общественным строем (множеством сословных и этнических групп) в котором источником верховной власти признаётся божественное начало (в монотеизме – Бог), а её носителем – единоличный правитель (монарх). Причём идеология этого государства носит универсальный (всемирный) характер.

К числу базовых критериев империй Э.И. Дамирчиев относит принадлежность императора и подданных к одной религии. Отрицание принципа множества религий как такового.

Вместе с тем строгое следование критериям дефиниции выводит за пределы понятия «империя» не только современные государства имперского типа, но и Римскую, Монгольскую, Российскую и Австро-Венгерскую империи, в которых императоры и подданные разделяли разные религии. Тезис о «божественном начале» верховной власти в империи резко ограничивает хронологические рамки существования империй. К тому же, вопреки мнению некоторых исследователей (Motyl, 2001) мы полагаем, что виды политических режимов (абсолютизм, самодержавие, восточная деспотия и т.д.) не имеют прямого отношения к политической форме государства.

Согласно ставшей уже классической дефиниции Ч. Тилли, империями называются сложносоставные политии, связанные с центром непрямым способом (Tilly, 1997: 3). Органы

центральной власти осуществляют военный и финансовый контроль в каждом крупном сегменте имперского доминирования. Но при этом допускается не прямое управление следующими способами:

1) сохранением или заключением особых пактов с органами власти каждого сегмента.

2) отправлением своих полномочий через посредников, пользующихся значительной автономией в своих доменах, в обмен на лояльность, сбор дани и военное сотрудничество с центром. Отказ от непрямого управления в пользу прямого стандартизованного набора связей между центром и периферией неизбежно приводит к распаду империй (Tilly, 1997: 5).

Мы полагаем, что характеристика империи, принадлежащая Джейн Бурбанк и Фредерику Куперу, акцентирует внимание лишь на одном аспекте имперской формы: «Империями были большие политические структуры, экспансионистские либо помнящие о власти, которая распространялась на большие пространства - политики, создававшие разграничения и иерархию по мере того, как они включали в себя все новых подданных» (Burbank, Cooper, 2011: 112). Однако в данном случае определяющий империю принцип «divide et impera» не конкретизирован ссылкой на «непрямое управление». Рональд Суни лишь развивает концепт Бурбанк и Купера: «Во власти империи находится народ, находящийся в разной степени подчинения. Не все многонациональные, мультикультурные или многоконфессиональные государства неизбежно являются империями, но в тех случаях, где сохраняются различия и неравное обращение, например, на территориях, отличающихся по этническому признаку, имперские отношения имеют место» (Суни, 2001: 9-24). Таким образом, на сегодняшний день наиболее полное описание империи, соответствующее идеальному типу, принадлежит Чарльзу Тилли. Возникает вопрос: не является ли определение империи Ч. Тилли мыслительной конструкцией, усредненной моделью, не имеющей никакого отношения к реальности? Может быть, в России XVI-XVIII вв. под империей понимали совсем не то, что имеет в виду Тилли?

4. Результаты

В Московском государстве середины XVI в. существовало вполне ясное представление о том, что имперская форма государства предполагает подчинение прежде независимых государств. Для Ивана IV ритуал венчания на царство не стал юридическим основанием для обращения к Вселенскому Патриарху для утверждения его царского титула. Только после завоевания Казанского и Астраханского ханств, правители которых считались суверенными монархами, царь заявил о своих претензиях на царский (императорский) титул на международной арене. Таким образом, уже в середине XVI в. Московское государство превратилось в «сложносоставную политику» и ее правители вполне четко этот факт осознавали. Не был исключением и сам Петр I. Еще до принятия титула императора, возводя своих подданных в графское достоинство, Петр I указывал в дипломе: «Аще данная нам от Всевышнего самодержавная власть во Всероссийском нашем наследном и принадлежащих к оному пространнейших царствиях и государствах тако распространяется...». Таким образом, Петр I утверждает, что он не просто «самодержец Всероссийский нашего Всероссийского Царствия», но и «иных государств» (Новая имперская история..., 2017: 44). Таким образом, представление об империи как сложносоставной политике воспринималось современниками как политическая реальность.

Вопрос о конкретной реализации «непрямого управления» инородческими провинциями в XVII-XVIII вв. требует более основательной аргументации. При этом именно в отношении башкир начала XVIII в. некоторые российские администраторы дословно отзывались как о «непрямых подданных». В 1712 г. казанский губернатор П.М. Апраксин писал своему более высокопоставленному брату: «...так и ныне Его Царскому Величеству предлагаю: зело добро с такими злодеи управитца и привести их в прямое подданство и учинить данниками прямыми (Материалы..., 1936: 277).

Дело в том, что принцип непрямого управления, описанный Ч. Тилли, подразумевает наличие политических соглашений между центром и элитами этнических окраин. Вместе с тем авторы «Новой имперской истории Северной Евразии» вполне обоснованно утверждают, что для Москвы, в отличие от Речи Посполитой, идея контрактных обязательств царя по отношению к новым подданным была неприемлема (Новая имперская история..., 2017: 30).

Действительно, Москва придерживалась другой юридической традиции, которая связана с наследием Монгольской империи. Ведь и ханы не заключали со своими подданными никаких договоров. Тем не менее именно от Золотой Орды до нас дошел единственный письменный источник актового вида – тарханские ярлыки. С.М. Каштанов обоснованно считает их разновидностью жалованных грамот, которые, в свою очередь, классифицирует как договорно-законодательный источник (Каштанов, 1988: 18).

В Башкирии в XVII – первой половине XVIII вв. после каждого восстания, официально означавшего разрыв подданных отношений, «башкирцы всех четырех дорог» вместе с «отпущением вин» получали от царя жалованные грамоты. В конце февраля 1664 г. делегация башкир явилась в Москву, где башкиры «видели ево Царьского величества, аки пресветлое солнце ево Царские пресветлые очи... И запреславную свою милость Великий Государь, его Царское Величество велел им дать свою государскую жалованную грамоту за красною оттворчетою печатью

на двух листах русским и татарским письмом. Велено им, башкирцем, быти под Ево Великого государя самодержавною высокою рукою в вечном холопстве быть по-прежнему» (*Материалы...*, 1936: 183). В 1719 г. после обращения башкир Сенат распорядился «...к ним, башкирцам, послать с жалованной грамотою Великого Государя из Сената, выбрав кого знатного человека, а в той грамоте написать, чтоб они, башкирцы, были Его Императорского Величества в подданстве по-прежнему, а за то обнадежить Его Царского Величества милостью, что всех их прежде показанные противности оставлены будут» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 115. Л. 5*).

Сами башкиры воспринимали эти жалованные грамоты как полноценные контракты с российской властью. В шежере башкирских племен Усерган, Кыпсак, Бурзян, Тамьян и Тангаур отмечено: «Составили указную грамоту, в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир и исповедующих ислам никогда не насиловать в другую религию, и чтобы мы, башкиры, стали нести искреннюю службу. Согласившись на эти договорные между собой условия, взяв друг у друга подписи, нашу грамоту в Казани записали в книгу» (*Кузеев, 1960: 45*).

Тем не менее, можем ли мы считать жалованные грамоты башкирам договорами, если они не предусматривают санкции за нарушение соглашения одной из сторон? Санкции были предусмотрены, но не в российской законодательной практике, а в правовом поле Монгольской империи. Эта юридическая коллизия нашла свое отражение в Ясе. Ибн Баттута, посетивший в середине XIV в. Центральную Азию, свидетельствует: «Чингис составил книгу своих постановлений, называемую у них Йасак, а у них положено, что тот, кто не выполняет постановлений этой книги, должен быть свергнут. По его постановлению они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день праздника». К тому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиса – эмиры, хатун и крупные военачальники. Если их султан изменит что-либо в этих постановлениях, то их предводители встанут и говорят: «Ты изменил то-то и то-то, сделал так-то и так-то, а потому тебя нужно свергнуть». Его берут за руки и заставляют сойти с царского трона, и на его место сажают другого потомка Чингиса» (*Почекаев, 2017: 54*).

В башкирском обществе отсутствовала институциональная элита в лице чингизидов, поэтому роль полномочных собраний выполняли не курултаи (собрание представителей рода Чингисхана и их приближенных), а йыйыны (родовые и общешкирские собрания). На этих собраниях чингизиды, приглашаемые башкирами в качестве башкирских ханов, смещались в том случае, если они выступали против решения йыйынов или не выполняли данные обещания. После добровольного принятия российского подданства в середине XVI в. это представление башкир (имперский мир) о правах и обязанностях ханов был распространен и на русских самодержцев. Таким образом, башкиры полагали, что власть имеет определенные ограничения, обусловленные принятым соглашением, т.е. жалованной грамотой. Нарушение условий этого контракта автоматически делегитимизирует правление монарха.

Однако в российской правовой практике такого ясного императива не существовало. В научной литературе до сей поры отсутствует единое мнение относительно отличия восточной деспотии от российского самодержавия. Считалось, что последняя форма правления все же имеет ограничения со стороны законодательства. Тем не менее дискуссия конца 1960-х – начала 1970-х гг. относительно институциональных различий между восточной деспотией и российским самодержавием не пришла к ясному пониманию вопроса. До сего времени высказываются мнения, что российское самодержавие представляло собой крайнюю форму деспотизма (*Кобрин, Юрганов, 1991: 56*). Во всяком случае, конкретная управленческая практика в Уфимской провинции начала XVIII в. демонстрирует нарушение всех законодательных положений, отраженных в прежних указах самого Петра I. Так, в 1695 г. вопреки обоснованным претензиям сибирской администрации на земли в Зауралье, правительство Петра I официально передало их в вотчинное родовое владение восточным башкирам. При этом в очередной раз местным властям было категорически запрещено нарушать вотчинные права башкир (*Материалы...*, 1936: 84-97). Однако уже в 1704 г. последовало изъятие наиболее ценных в промысловом отношении башкирских вотчинных земель по берегам рек Кама и Белая в собственность казны.

Следует отметить, что в официальном делопроизводстве вооруженные выступления башкир не характеризуются как однозначно криминальные деяния. Еще В.Н. Татищев первым обратил внимание на то, что башкиры употребляют в документах неподобающие слова для обозначения своих восстаний: «Земли данными Е. и В. называют они своими, а бунты – войной, отпущения же вин – миром для того, что народ степной и дикой, и к тому же испортила их прежняя воля» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230*). Вместе с тем Татищев не заметил, что «башкирскими войнами» называют восстания и представители высшей российской администрации (*РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 823. Л. 4-5*). До 1735 г. «ворами», т.е. государственными преступниками, официальные власти называли только отдельных представителей народа, но никогда всех восставших башкир. После восстаний 1682–1684 гг. и 1704–1711 гг. правительство официально выявило представителей администрации, виновных в провоцировании вооруженного выступления. До организации Оренбургской экспедиции все башкирские восстания заканчивались официальным прощением руководителей и участников. В ряде случаев некоторые представители российской администрации признавали требования

восставших башкир законными. В 1704–1711 гг. значительная часть уфимских дворян во главе с воеводой Аничковым поддержало восставших башкир. Уфимский воевода лично принял участие в составлении коллективного обращения восставших башкир к Петру I (РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 57. Л. 420).

В Уфимском уезде никаких репрессий, неизбежных после подавления бунтов в других областях России, не проводилось. Таким образом, администрация не рассматривала башкирские восстания как уголовные деяния. С восставшими велись переговоры, с ними заключались соглашения, производился обмен пленными. Таким образом, право башкир на вооруженное сопротивление властям в случае нарушения условий жалованных грамот не рассматривались властями как однозначно криминальные деяния. Восстания квалифицировались как «башкирская война» и «шатость».

В допетровской России специфика управления присоединенными государствами выражалась в сохранении многих прежних практик и институтов власти, характерных для золотоордынской эпохи. Первые изменения в системе регионального администрирования проявились еще в период Азовских походов. Указом от 20 декабря 1695 г. из ведомства Сибирского приказа были изъяты и переданы в управление уфимских воевод зауральские земли, располагавшиеся по рекам Тоболо-Иртышского бассейна.

Ничем непримечательная на первый взгляд административно-территориальная реформа фактически означала кардинальный отход от традиционного разделения российских подданных. В практике Монгольской империи и России в XVI-XVII вв. статус народов, завоеванных и добровольно принявших подданство, существенно различался. В XVI в. в отличие от уфимских башкир, башкиры Тобольского уезда считались «людьми хана Кучума». Они оказывали военную помощь его сыновьям и внукам вплоть до конца 70-х гг. XVII в. Земли сибирских башкир были объявлены государственной собственностью, а ясачный оклад на порядок превосходил подати башкир Уфимского уезда. В отличие от нерусских народов Сибири, уфимские башкиры официально платили ясак с вотчинных угодий. В случае утраты прав на землю ясак с них снимался. Тем не менее в 1695 г. государство уравнило уфимских и сибирских башкир в правах и привилегиях независимо от характера принятия ими подданства. Следующим шагом правительства Петра I должно было стать уравнивание башкир с другими народами в земельных правах, налогах и податях, свободе передвижения и отношения к верховной власти.

В 1701 г. управление вотчинными и финансовыми делами было перенесено из Приказа Казанского дворца в Казань. Уже в начале XVIII в. это учреждение превращается в губернию, а перенос управления регионом из столицы лишь окончательно оформил этот процесс. До петровских реформ наиболее привилегированным народом юго-востока России были башкиры. Они обладали вотчинным правом на землю, законодательно запрещавшим любые формы отчуждения башкирских земель. Вотчинники имели право принимать на своих землях переселенцев. Уфимские власти не вмешивались в их взаимоотношения. Все башкиры без исключения считались служилыми людьми государства. На весь народ была распространена традиционная привилегия тарханов: право непосредственного обращения к верховной власти (Демидова, 2003: 179-194). Башкиры являлись единственным мусульманским народом России, не испытывавшим никаких ограничений в делах веры с момента принятия ими добровольного подданства России. Шариатские суды действовали легально, их решения официально признавались уфимской администрацией и Приказом Казанского дворца.

До середины XVIII в. во владении башкир находилось около 28 млн. 484 тыс. десятин земли (Акманов, 2000: 76). Ясак, который платили башкиры с этой земли, составлял всего 5217 руб. Причем сами башкиры выплачивали только 1508 руб., все остальное платили переселенцы. Для сравнения: в 1667 г. «иногородцы» только одного Якутского уезда внесли в казну 1,4 млн. рублей. Пользуясь бесконтрольностью со стороны православной церкви, башкирские имамы переводили в ислам не только язычников – мари и удмуртов, но и бежавших на их земли православных крестьян.

С 1704 по 1708 гг. российские власти отменяют практически все привилегии башкир. Чарльз Стейнвелл обратил внимание на то, что правительство Петра проводит в Уфимской провинции действия, которые не имели прямого отношения к фискальной политике (Steinwedel, 2003: 193). Вводятся ограничения мусульманской религии, предписывающие православной церкви контроль за мусульманскими обрядами (свадьбами и похоронами). По образцу православных традиций башкирам указывалось заводить кладбища рядом с мечетями.

Из владений башкир изымаются наиболее доходные промысловые угодья, что в первую очередь затронуло рыбные ловли по большим рекам Уфимской провинции. Это сказалось не столько на башкирском рыболовстве, сколько на ведении полукошевого хозяйства. Лучшие летние и земные пастбища располагались в пойме крупных рек. Ситуация усугубилась после введения запрета на промыслы в так называемых корабельных лесах, которые прежде также принадлежали башкирам. В данном случае указ ударил по наиболее важной статье промысловых доходов башкир – бортничеству. При этом администрация не снимала ясак с изъятых угодий. С 1704 г. в башкирских вотчинных лесах власти основывают поташные заводы, в которых килограмм продукции получался в результате сожжения тонны древесины. Повышенным налогом впервые облагаются башкирские мельницы, розничная торговля, свадьбы, гробы и т.д. В 1705 г. под угрозой военного вторжения в

волости от представителей башкир потребовали поставки в армию 15000 лошадей. Зимой 1705 г. из Казани в Уфу была направлена военная экспедиция во главе с комиссаром Ингерманландской канцелярии А.С. Сергеевым с целью устрашения местного населения.

Вместе с тем башкиры возмутились не вследствие непомерности новых требований государства, а по причине противозаконного характера их предъявления. Согласно жалованным грамотам, все податные и налоговые нововведения должны были согласовываться непосредственно с представителями башкирского народа. Это условие нашло свое отражение как в башкирских родословных росписях, так и в официальном делопроизводстве. В шежере четырех родов отмечено, что во время официального принятия подданства башкирами «царь Иван Васильевич обещал другими повинностями, учрежденными без нашего согласия, не причинять башкирскому народу страданий» (Кузеев, 1960: 63). Когда в 1704 г. служащий Ингерманландской канцелярии Андрей Жихарев сообщил представителям башкир о том, что «указал Великий Государь те прибыльные дела на них наложить... башкиры сказали, де они ему Андрею, что они воры и про те прибыльные дела Великий Государь имянно ведать не изволит» (Материалы..., 1936: 259). Откуда такая убежденность башкир в том, что инициатива по введению новых налогов не могла исходить от царя? Как выяснила Н.Ф. Демидова, первоначальное соглашение о принятии башкирами Российского подданства включало в себя и положение о том, что все спорные вопросы, возникающие между двумя сторонами, должны быть согласованы во время периодических приездов башкирских представителей в Москву (Демидова, 2003: 180). Практика башкирских посольств продолжалась вплоть до конца XVII в. Таким образом, протест башкир, адресованный Жихареву, вполне обоснован. Тем не менее, правительство Петра I не предполагало соблюдать традицию и согласовывать с представителями башкир введение новых податей и налогов.

За всеми этими разноплановыми действиями ясно вырисовывается главная цель Преобразователя – нивелировать различия в положении подданных, уравнивать их в правах и обязанностях. В первую очередь эта политика была направлена в отношении народов, обладавших наибольшими льготами.

Авторы «Новой имперской истории Северной Евразии» полагают, что идеологическое обоснование фискальных реформ Петра I следует искать в учении камерализма (Новая имперская история..., 2017: 30). Эта доктрина, возникшая в немецких княжествах после 30-летней войны, видела в государстве роль объединителя разобщенных экономическими процессами граждан. Интегрирующая функция государственной власти заключалась в создании по возможности равенства и справедливости в податях и налогах. И. Герасимов, М. Могильнер и С. Глебов утверждают, что почти все административные распоряжения Петра I вполне вписываются в логику камералистского мышления (Новая имперская история..., 2017: 56). Тем не менее на юго-восточной окраине России действия властей даже на уровне замыслов противоречили принципам камералистской теории. Дело в том, что данное учение в строгом исполнении исключало искажение финансовой отчетности и совершение мошенничества, поскольку сбор, учет и расход налогов сосредотачивался в разных ведомствах, независимых друг от друга. К тому же камерализм можно определить как первое учение, потребовавшее полной стандартизации учетной документации на всех уровнях.

Можно ли говорить о том, что фискальная политика правительства Петра I на территории Уфимской провинции соответствовала этим принципам?

Итак, с октября 1704 г. непосредственное управление государственными финансами на территории бывшего Казанского дворца сосредоточили в своих руках руководители Ингерманландской канцелярии. А.Д. Меншиков, возглавлявший ведомство, не ставил в известность ни одно учреждение относительно его деятельности. Комиссары канцелярии произвольно определяли новые статьи обложения, не консультируясь с местными властями. Более того, сбор этих же налогов канцелярии возложила на себя. Официальной документации об утверждении новых объектах налогообложения не существовало. Средства, собранные канцелярией, не поступали в бюджет, а представляли собой свободные суммы, которыми распорядился лично Петр I.

Когда в 1720 г. Сенат занялся исследованием причины башкирского восстания 1704–1711 гг., то большинство показаний башкир не было подтверждено ни одним официальным документом. К примеру, знаменитый указ 1704 г. о наложении на башкир 72 новых статей так не обнаружен, несмотря на то, что его искали во всех центральных и местных учреждениях (Материалы..., 1936: 144-151).

Таким образом, фискальная политика Петра I в Среднем Поволжье и Приуралье ни по духу, ни по воплощению не соответствовала камералистской теории. Ее сложно назвать даже оккупационной, так как контрибуция все же подлежит централизованному учету. Тем не менее следует согласиться с основным выводом авторов «Новой имперской истории Северной Евразии», что камерализм ставил под удар перспективы Российской «империи» в смысле сложносоставного политического пространства (Новая имперская история..., 2017: 198).

Дж. Бурбанк и Ф. Купер полагают, что политика унификации и гомогенизации населения чем, по существу, и занимался Петр I в Уфимской провинции ведет не к развалу империи, но знаменует собой переход к иному имперскому проекту. Они утверждают, что имперская эволюция имеет два возможных варианта: евразийский и римский (Burbank, Cooper, 2011: 229). Согласно их концепции,

существуют империи, предпочитающие разнородность как фундамент имперского правления («евразийский путь») и империи, склоняющиеся к унификации и гомогенности («римский путь»). В таком дискурсе башкирское восстание 1704–1711 гг. можно рассматривать как столкновение двух имперских проектов: евразийского (башкиры) и римского (правительство Петра I). Тем не менее мы согласимся с критикой подобной классификации со стороны Ч. Тилли, отметившего, что история знает несколько примеров первого сценария, но не второго (Tilly, 1997: 1-11). От себя добавим, что выделение римского варианта имперской эволюции предполагает, что данная империя имманентно уже содержала в себе тренд к образованию национального государства еще на заре своего становления.

Попытка правительства Петра I «унифицировать» башкир означала аннулирование всех прежних жалованных грамот и одностороннюю ликвидацию системы непрямого управления. Аналогичные действия верховной власти мы наблюдаем в этот период на Украине, Дону, Северном Кавказе и Нижней Волге.

В этой связи мы выдвигаем предположение, что изменение титулатуры главы государства следует увязывать с изменением политической формы государства. В литературе утвердилось мнение, что введение императорского титула никак не связано с радикальным преобразованием внутренней структуры государства. О.Г. Агеева утверждает, что смена титулатуры вызвана, прежде всего, новым внешнеполитическим статусом державы. В начале XVIII в. международное положение России изменилось, и потребовалось четко зафиксировать ранг русского монарха в Европе (Агеева, 2012: 109-121). Ричард Уортман дает иную интерпретацию этому событию. Римское (европейское) государство было более свободно от влияния церкви, нежели Русское царство. Император как триумфатор гораздо менее зависим от религиозного источника власти, чем русский царь. Триумфальная сакрализация власти выполняла ту же функцию, что и коронация (Уортман, 2002). Таким образом, император уже не является ответчиком перед Богом за души своих подданных, но становится победоносным лидером, власть которого исходит от Сената, представляющего народ.

5. Заключение

Мы полагаем, что изменение титулатуры русским монархом в 1721 г. было обусловлено трансформацией отношений «центр – этническая периферия». Внешнеполитический фактор (если не учитывать ориентацию государства на экспансию) или источник власти монарха (от Бога или от народа) никак не связаны с самим пониманием империи как сложного государства. Изменение титулатуры в 1721 г. для всех подданных народов символизировало новую концепцию государства, в котором упразднились все права и привилегии, пожалованные русскими монархами отдельным народам и социальным группам. В 1702 г. вводится единая форма для всех челобитных, поданных на высочайшее имя. Теперь все подданные должны были именоваться «нижайшими рабами» (Марасинова, 2008: 99-118). Прежде башкиры обозначали себя в своих челобитных как «холопы» относя таким образом, себя к привилегированному служилому сословию. К примеру, ясачные жители Казанского уезда называли себя «сиротами».

Деятельность правительства Петра I вела государство не к трансформации империи с «евразийского» на «римский» вариант, а имела очевидный антиимперский характер.

В этой связи вызывают вопросы некоторые определения, даваемые государству Петра I в отечественной литературе. Авторы утверждают, что царь создавал «регулярное» (Нефедов, 2019: 253-257) или «камералистское государство» (Глебов, 2006: 238-242). Однако за этими понятиями стоят декларируемые, но отнюдь не осуществлявшиеся принципы управления. Эти определения не имеют никакого отношения к политической форме государства, которых, по утверждению Ч. Тилли, на протяжении десяти тысячелетий существовало только три: город-государство, аграрно-военные образования, империи или же многочисленные комбинации этих трех форм (Tilly, 1997: 1-11). Только в последние два столетия консолидированные национальные государства стали доминирующей государственной формой в Европе. Устойчивый тренд в политике – стремление к унификации и гомогенизации управляемого пространства и населения не дает никаких оснований считать, что идеалом государства для Петра I являлась одна из указанных трех форм. Вместе с тем административные и социальные реформы царя при известном допущении можно интерпретировать как движение к консолидированному национальному государству. Однако даже для наиболее развитых стран Европы начала XVIII в. политическая форма «государство-нация» представляла собой отдаленную перспективу. Для России же начала XVIII в. петровский проект являл собой абсолютно неосуществимую цель. Однако это обстоятельство вполне объясняет уровень государственного насилия в процессе проведения преобразований.

Башкирское восстание 1704–1711 гг. явившееся ответом на радикальный отказ правительства Петра I от традиционной системы управления, привело к разрыву подданства и более чем десятилетнему пребыванию башкирского народа в состоянии политической неопределенности. Лишь в 1722 г. по инициативе башкир российское подданство было возобновлено в прежнем формате. Однако все нововведения первой четверти XVIII в. касавшиеся башкир и их припущенников, были официально отменены. Жалованная грамота 1722 г. в ключевых пунктах дословно повторяла фрагменты текстов наказов, дававшихся уфимским воеводам XVII в. Российские власти подтвердили

независимость от российских властей племенного ополчения башкир, свободу вероисповедания и незыблемость вотчинного права башкир на родовые земли. Фактически это означало возвращение к прежней имперской системе управления башкирами.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>.

Литература

Агеева, 2012 – Агеева О.Г. От Московского царства к Всероссийской империи / 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории. М.: Наука, 2012. С. 109-121.

Акманов, 2000 – Акманов А.И. Земельная политика Царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начала XX вв.). Уфа: Китап, 2000. 208 с.

Вебер, 1990 – Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Глебов, 2006 – Глебов С.В. Регулярное полицейское государство и ясак: сибирская записка Генриха Фика // *Ab imperio*. 2006. № 1. С. 238-242.

Демидова, 2006 – Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. / От Древней Руси к России нового времени. М.: Наука, 2003. 320 с.

Каспэ, 2001 – Каспэ С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 253 с.

Каптанов, 1988 – Каптанов С.М. Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988. 229 с.

Кобрин, Юрганов, 1991 – Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // *История СССР*. 1991. № 4. С. 54-64.

Кузеев, 1960 – Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

Марасинова, 2008 – Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. / «Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей в Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 541 с.

Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. 612 с.

Нефедов, 2019 – Нефедов С.А. Реформы Петра I в контексте концепции «вызовов и ответов» / Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2019. С. 253-257.

Новая имперская история..., 2017 – Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX вв. М.: Высшая школа экономики, 2017. 215 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Сунин, 2001 – Сунин Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab imperio*. 2001. № 1. С. 9-24.

Уортман, 2002 – Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

Motyl, 2001 – Motyl Alexander J. Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires. Columbia University Press, 2001. 128 p.

Burbank, Cooper, 2011 – Burbank J., Cooper F. Empires in World History. Princeton University Press, 2011. 528 p.

Steinwedel, 2016 – Steinwedel Ch. Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 398 p.

Tilly, 1997 – Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder: Oxford: Westview press, 1997. 200 p.

References

Ageeva, 2012 – Ageeva, O.G. (2012). Ot Moskovskogo tsarstva k Vserossiiskoi imperii [From the Muscovy to the All-Russian Empire]. 1150 let Rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. Materialy k Obshhemu sobraniju Rossijskoj akademii nauk, posvjashhennomu Godu rossijskoj istorii, pp. 109-121. [in Russian]

Akmanov, 2000 – Akmanov, A.I. (2000). Zemel'naja politika Carskogo pravitel'stva v Bashkirii (vtoraja polovina XVI – nachalo XX vv.) [Land policy of the Tsarist government in Bashkiria (the second half of the XVI – early XX centuries)]. Ufa. [in Russian]

Burbank, Cooper, 2011 – Burbank, J., Cooper, F. (2011). Empires in World History. Princeton.

- Demidova, 2003 – Demidova, N.F. (2003). Bashkirskie posol'stva v Moskvu v XVII v. [Bashkir embassies to Moscow in the XVII century]. Moskva. [in Russian]
- Glebov, 2006 – Glebov, S.V. (2006). Reguljarnoe policejskoe gosudarstvo i jasak sibirskaja zapiska Genriha Fika [Regular police State and yasak: The Siberian note by Heinrich Fick]. *Ab imperio*. 1: 238-242. [in Russian]
- Kashtanov, 1988 – Kashtanov, S.M. (1988). Russkaja diplomatika [Russian diplomacy]. Moskva. [in Russian]
- Kaspje, 2001 – Kaspje, S. (2001). Imperija i modernizacija. Obshhaja model' i rossijskaja spetsifika [Empire and modernization. General model and Russian specifics]. Moskva. [in Russian]
- Kobrin, Jurganov, 1991 – Kobrin, V.B., Jurganov, A.L. (1991). Stanovlenie despoticheskogo samodержavija v srednevekovoj Rusi [The formation of despotic autocracy in Medieval Russia]. *Istorija SSSR*. 4: 54-64 [in Russian]
- Kuzeev, 1960 – Kuzeev, R.G. (1960). Bashkirskie shezhere [Bashkir shezhere]. Ufa. [In Russian]
- Marasinova, 2008 – Marasinova, E.N. (2008). «Raby» i «grazhdane» v Rossijskoj imperii XVIII v. ["Slaves" and "citizens" in the Russian Empire of the XVIII century]. Moskva. [in Russian]
- Materialy..., 1936 – Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoj polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. Moskva-Leningrad, 1936. [in Russian]
- Motyl, 2001 – Alexander, J. Motyl (2001). Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires. Columbia.
- Nefedov, 2019 – Nefedov, S.A. (2019). Reformy Petra I v kontekste koncepcii «vyzovov i otvetov» [Peter I's reforms in the context of the concept of "challenges and answers"]. Ekaterinburg, pp. 253-257. [in Russian]
- Novaja imperskaja istorija..., 2017 – Novaja imperskaja istorija Severnoj Evrazii [The New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan [in Russian]
- Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Ju. (2017). Legitimacija vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvah Evrazii. Tjurko-mongol'skij mir XIII – nachala XX v. [Legitimization of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia. The Turkic-Mongolian world of the XIII – early XX centuries]. M. [in Russian]
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Steinwedel, 2016 – Steinwedel, Ch. (2016). Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington.
- Suni, 2001 – Suni, R. (2001). Imperija kak ona est': imperskaja Rossija, «nacional'noe» samosoznanie i teorii imperii [Empire as it is: Imperial Russia, "national" Identity and Theories of Empire]. *Ab imperio*. 1: 9-24. [in Russian]
- Tilly, 1997 – Tilly, Ch. (1997). How empires end / After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires, 1997, pp. 1-11.
- Uortman, 2002 – Uortman, R.S. (2002). Scenarii vlasti: Mify i ceremonii ruskoj monarhii [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. M. [in Russian]
- Veber, 1990 – Veber, M. (1990). Izbrannye proizvedenija [Selected works]. M. [in Russian]

Государственные преобразования Петра I на юго-востоке России

Булат Ахмерович Азнабаев^a, Алексей Иванович Кортунов^{b, *}, Рамиль Насибуллович Рахимов^a, Шамиль Мухаметович Иткулов^b

^a Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. До настоящего времени в исторической литературе не поднимался вопрос о том, какой политической форме государства соответствовали административные преобразования Петра I на юго-восточной окраине России. Некоторые авторы утверждают, что идеал царя воплощался в создании «регулярного государства». Приверженцы «новой имперской истории» полагают, что преобразователь руководствовался концепцией «камералистского государства». По нашему мнению, в Башкирии правительство Петра I произвело наиболее радикальный слом традиционной системы управления. Анализ административных преобразований свидетельствует о том, что политика Петра I в отношении нерусских окраин продемонстрировала стремление к гомогенизации населения, стиранию податных и административных различий в положении многочисленных групп нерусского

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azbulattt@rambler.ru (Б.А. Азнабаев), kortunov@rambler.ru (А.И. Кортунов), rakhimovrn@mail.ru (Р.Н. Рахимов), forrrest@gmail.com (Ш.М. Иткулов)

населения. Ликвидация Приказа Казанского дворца и губернская реформа разрушали систему не прямых связей центра с юго-восточной периферией. Башкиры потеряли привилегию непосредственного обращения к верховной власти. Последователи новой имперской истории утверждают, что исполнители замыслов Петра I вдохновлялись учением камерализма, декларировавшего необходимость равенства всех подданных перед законом. Эта политика отражала идею новой политической формы государства-нации, а, следовательно, объективно имела антиимперский характер. В силу абсолютной невозможности внедрения камералистских методов в иногородских провинциях конкретные мероприятия властей существенно расходились с базовыми принципами данного учения. Так, в начале XVIII в. в Уфимском уезде все фискальные функции были переданы Ингерманландской канцелярии. Это ведомство, призванное изобретать новые объекты налогообложения, не отчитывалось даже перед правительством, что противоречило строгому функциональному разделению полномочий, декларируемого принципами камералистского учения. Их деятельность спровоцировала самое длительное восстание башкир 1704–1711 гг. Возобновление российского подданства башкир состоялось только в 1722 г. после того, как правительство официально подтвердило отказ от всех нововведений и возвращение к допетровской по сути своей имперской системе управления башкирами.

Ключевые слова: башкиры, внутренняя политика Петра I, восстание 1704–1711 гг., империя, не прямое управление, Уфимская провинция.